

**Конвенция против пыток и
других жестоких, бесчеловечных
или унижающих достоинство
видов обращения и наказания**

Distr.: General
28 January 2022
Russian
Original: French

Комитет против пыток

**Решение, принятое Комитетом в соответствии
со статьей 22 Конвенции относительно
сообщения № 923/2019* ****

<i>Сообщение представлено:</i>	М.Б. (представлен адвокатом Ольфой Улед)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор сообщения
<i>Государство-участник:</i>	Марокко
<i>Дата сообщения:</i>	14 февраля 2019 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилами 114 и 115 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 1 апреля 2019 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия решения:</i>	19 ноября 2021 года
<i>Тема сообщения:</i>	пытки во время содержания под стражей
<i>Процедурные вопросы:</i>	исчерпание внутренних средств правовой защиты, злоупотребление правом на подачу жалобы
<i>Вопросы существа:</i>	пытки и жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание; меры для предупреждения пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения; систематический надзор за условиями содержания под стражей и обращением с заключенными; обязательство государства-участника обеспечивать незамедлительное проведение беспристрастного расследования компетентными органами; право на подачу жалобы; право на получение возмещения
<i>Статьи Конвенции:</i>	1, 2, 11, 12, 13, 14, 15 и 16

* Принято Комитетом на его семьдесят второй сессии (8 ноября – 3 декабря 2021 года).

** В рассмотрении сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Хлод Эллер, Эрдоган Ишджан, Ильвия Пуце, Ана Раку, Дьего Родригес-Пинсон, Бахтияр Тузмухамедов и Петер Ведель Кессинг. В соответствии с правилом 109, рассматриваемым в совокупности с правилом 15, правил процедуры Комитета, а также пунктом 10 Руководящих принципов в отношении независимости и беспристрастности членов договорных органов по правам человека (Аддис-Абебские руководящие принципы) Эссадия Бельмир в рассмотрении настоящего сообщения не участвовала.

1.1 Автор сообщения является М.Б., гражданин Марокко 1970 года рождения, уроженец Западной Сахары. Он утверждает, что государство-участник нарушило его права, защита которых предусмотрена статьями 1, 2, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции. Государство-участник сделало заявление по статье 22 (пункт 1) Конвенции 19 октября 2006 года. Автор сообщения представлен адвокатом Ольфой Улед.

1.2 1 апреля 2019 года в соответствии с правилом 114 (пункт 1) своих правил процедуры и с учетом информации, предоставленной автором сообщения, Комитет, действуя через своего Докладчика по новым сообщениям и временным мерам, просил государство-участник: а) приостановить все меры изоляции в отношении автора; б) предоставить автору возможность осмотра врачом по его выбору; с) определить и незамедлительно применить меры, альтернативные содержанию под стражей, такие как домашний арест, во избежание дальнейшего ухудшения состояния его здоровья. 2 июня 2020 года просьба о принятии временных мер была направлена повторно¹. 23 октября 2020 года в свете новых утверждений о репрессивных мерах в отношении автора сообщения просьба о временных мерах была направлена еще раз и государству-участнику было предложено в качестве дополнительных защитных мер в пользу автора: i) незамедлительно провести эффективное расследование утверждений о репрессивных мерах, о которых сообщил автор; ii) воздерживаться от любого запугивания или репрессий в отношении автора и принять все необходимые меры для его защиты; iii) разрешить автору общение с его адвокатом и родственниками по видеосвязи или по телефону в условиях строгой конфиденциальности и свидание с адвокатом в срочном порядке сразу же после отмены мер, связанных с пандемией коронавирусного заболевания (COVID-19); iv) указать причины, по которым автор был временно помещен в медицинскую часть тюрьмы № 2 Тифлета до момента его перевода, и предоставить соответствующее медицинское заключение, предписывающее его направление в медчасть². 28 сентября 2021 года в свете утверждений автора о том, что временные меры до сих пор не приняты, Комитет вновь обратился с просьбой о принятии временных мер³.

Факты в изложении автора

2.1 После 9 октября 2010 года тысячи сахарцев, проживающих в Западной Сахаре, переселились во временные лагеря на окраинах городов, в том числе в лагерь «Гдейм Изик» вблизи Эль-Аюна. Эта акция была направлена на то, чтобы заявить о дискриминации, которой, как считают сахарцы, их подвергает государство-участник. Автор сообщения подчеркивает, что он не участвовал в создании лагеря, так как в то время находился в больнице в связи с необходимостью операции, и что он появился в нем только 19 октября 2010 года. 1 ноября 2010 года его без предупреждения посетил специальный представитель государства-участника, который якобы предложил ему работу и деньги в обмен на снос лагеря.

2.2 8 ноября 2010 года военнослужащие марокканской армии, вооруженные водометами и гранатами со слезоточивым газом, напали на лагерь «Гдейм Изик», в котором на тот момент находилось более 20 000 сахарцев. В ходе принудительной эвакуации лагеря начались столкновения между армией и сахарскими демонстрантами, в ходе которых, по сообщениям, погибли несколько марокканских солдат. За этим последовала волна жестоких репрессий со стороны марокканских сил безопасности при поддержке марокканских гражданских лиц, проживающих на сахарской территории.

2.3 В тот же день, около 6 часов, автор сообщения, которого обвинили в том, что он был одним из зачинщиков создания лагеря, был похищен представителями

¹ См. ответ государства-участника в пункте 6.

² См. ответ государства-участника в пунктах 9.1 и 9.2.

³ В своих комментариях от 24 сентября 2021 года автор указывает, что государство-участник не приняло никаких временных мер. Он сообщает, что его изоляция была еще более усилена и что ему не разрешают покидать камеру, площадь которой не превышает пяти квадратных метров, уже более трех месяцев. Он также утверждает, что регулярно подвергается репрессивным мерам и обыскам.

марокканских государственных органов. Он уточняет, что на него надели наручники, завязали глаза и нанесли сильный удар по голове, вызвавший кровотечение, а также что его били тупым предметом по ногам. Автора доставили в помещение жандармерии в Эль-Аюне, поместили в один из кабинетов и связали руки пластиковыми стяжками. Его подвесили на перекладине за колени, головой вниз, в наручниках, а затем применяли к нему электрический ток. В течение почти получаса его били по ногам неизвестным предметом, что вызывало у него боль и головокружение. Во второй половине дня ему нанесли сильную пощечину, что вызвало кровотечение. Вечером ему дали пищу и воду, но не разрешали воспользоваться санузлом. Он уснул на полу. На следующий день врач измерил ему давление, а затем просто дал таблетку. В течение четырех дней содержания под стражей автора били каким-то предметом по спине и по конечностям, что привело к появлению диффузной боли и нарушению их функций. Он указывает, что его семье о его задержании не сообщили.

2.4 В ночь с 11 на 12 ноября 2010 года, после четырех дней содержания под стражей, автора, в наручниках и с завязанными глазами доставили в суд первой инстанции Эль-Аюна. Ему пришлось прождать почти четыре часа, в течение которых он находился в одном помещении с несколькими другими задержанными. По принуждению и подвергаясь ударам ногами, с завязанными глазами он подписал какой-то протокол в присутствии полковника. После чего судебная полиция представила следственному судье военного суда протокол допроса, якобы подписанный автором и обвиняемыми по тому же делу лицами, с его признательными показаниями, которые он не смог прочитать и от которых в дальнейшем он будет постоянно отказываться. Автор сделал соответствующее заявление следственному судье военного суда, однако последний не принял во внимание его утверждения и имеющиеся у него телесные повреждения и не назначил медицинское освидетельствование. Затем автор был доставлен обратно в жандармерию.

2.5 На следующий день, около 6 часов, автора оправили самолетом в Рабат; его перевозили в положении лежа лицом вниз, со связанными лодыжками. По прибытии в Рабат сотрудники военного суда доставили его в изолятор временного содержания, где его снова били тупым предметом по предплечьям и бедрам, причиняя боль. Затем его направили в тюрьму в Сале, где он провел первую ночь стоя, прикованный наручниками к ограждению. Автор утверждает, что в течение первых нескольких месяцев он получал пощечины, удары, оскорбления, а также подвергался унижениям со стороны охранников. С 18 ноября 2010 года и в течение почти четырех месяцев его содержали в одиночной камере. Прогулки ему не разрешались. Он постоянно просил обеспечить ему возможность консультации у врача. Одновременно ему было назначено более 24 различных лекарств, некоторые из которых имели противоположное действие и не оказывали воздействия на имеющиеся у него заболевания.

2.6 Следственный судья принял решение о передаче дела в суд с соответствующим обвинительным заключением, и оно было направлено в военный суд. Судебный процесс по делу автора и других проходивших по нему лиц состоялся 1 февраля и 8–13 февраля 2013 года в Рабате. 17 февраля 2013 года все подсудимые были осуждены к строгой мере наказания на основании признательных показаний, которые все они оспаривали, заявляя об их даче под пытками. Автор был приговорен к 30 годам лишения свободы. В ходе рассмотрения дела военным судом автор заявил о пытках, которым он подвергся, и требовал проведения расследования. В своем временном постановлении от 8 февраля 2013 года военный суд зафиксировал утверждения подсудимых о применении пыток, но не принял никаких мер в связи с требованием проведения расследования. После этого судебного разбирательства несколько международных организаций указали на отсутствие доказательств и на то, что не было проведено эффективного расследования заявлений о применении пыток⁴.

2.7 27 июля 2016 года Кассационный суд Марокко отменил решение военного суда 2013 года, которым автор был приговорен к суровому наказанию без каких-либо иных

⁴ Human Rights Watch, « Maroc : le procès des civils sahraouis a été entaché d'irrégularités », 1er avril 2013.

доказательств, кроме его признательных показаний, подписанных под пытками. Кассационный суд направил дело в Апелляционный суд Рабата, и 26 декабря 2016 года началось новое судебное разбирательство. Все обвиняемые несколько раз на протяжении всего его хода просили Апелляционный суд признать протоколы, подписанные под пытками, недействительными и изъять их из материалов дела⁵.

2.8 19 июля 2017 года Апелляционный суд Рабата оставил в силе вынесенный автору приговор к наказанию в виде 30 лет лишения свободы. Автор утверждает, что, несмотря на его заявления о примененных к нему пытках, суд не начал официального расследования. Единственной принятой им мерой стало назначение судебно-медицинской экспертизы, которую проводили три марокканских судебно-медицинских эксперта, не проходившие подготовку по положениям Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол) и не имеющие достаточных гарантий независимости. Автор указывает, что другие обвиняемые по этому же делу по этой причине проходить медицинское освидетельствование отказались. В заключении медицинской экспертизы был сделан вывод о том, что «имеющиеся на данный момент симптомы и объективные результаты освидетельствования не являются специфическими для различных якобы применявшихся методов пыток». Суд счел данное заключение свидетельством того, что пытки не применялись. В июле 2017 года автор и другие обвиняемые по этому же делу подали кассационную жалобу, которая до сих пор находится на рассмотрении. Автор отмечает, что его предыдущее ходатайство было рассмотрено только через три года после подачи и что в любом случае Кассационный суд снова будет рассматривать только вопросы права.

2.9 16 сентября 2017 года автор был переведен из тюрьмы Эль-Аржата в тюрьму Кенитры. Его родственники и адвокат проинформированы об этом не были. Во время этапирования с ним жестоко обращались. При поступлении он не получил ни одеяла, ни лекарств. 19 и 20 сентября 2017 года автор и другие заключенные объявили голодовку в знак протеста против жестокого обращения и произвольного перевода в тюрьму, расположенную еще дальше от места проживания их родственников. Автор был помещен в сырую, плохо вентилируемую камеру, ее стены были покрыты плесенью, и по ним текла вода. Неоднократно его закрывали в камере на 22 часа в сутки. Родственники не могут посещать его каждую неделю, поскольку тюрьма находится более чем в 1200 км от Эль-Аюна, а разговаривать с ними по телефону ему разрешается только один раз в неделю в течение нескольких минут.

2.10 1 марта 2018 года автор и другие заключенные провели 24-часовую голодовку, отказавшись принимать пищу до тех пор, пока их не переведут в учреждения, расположенные ближе к местам проживания родственников, а также в знак протеста против каждодневного жестокого обращения со стороны охранников. Начальник тюрьмы сообщил заключенным, что он получил официальную инструкцию о том, что в случае объявления голодовки они будут помещены в карцер. 9 марта 2018 года автор и другие задержанные снова объявили голодовку, и в качестве наказания их поместили в карцер и выдавали только пять литров воды, без сахара. Адвокат автора подал жалобу на жестокое обращение в связи с длительным сроком нахождения в карцере, ответа на которую не последовало⁶. В течение 33 дней голодовки автора содержали в камере площадью чуть более двух квадратных метров, без вентиляции, с повышенной

⁵ С одной стороны, это ходатайство было отклонено прокуратурой, которая не начала расследование, в нарушение положений Уголовного кодекса. С другой стороны, суд решил объединить существеннейший вопрос о недействительности протоколов допроса с рассмотрением существа дела, о чем свидетельствует соответствующее решение. Таким образом, протоколы допроса являлись предметом обсуждения в течение шести месяцев судебного разбирательства, а решение в отношении их действительности, несмотря на ходатайство о признании их недействительными, было принято только в конце разбирательства, одновременно с вынесением приговора.

⁶ Копия жалоб на жестокое обращение, направленных его представителем министру юстиции от 9 марта 2018 года, а также прокурору и Генеральному королевскому прокурору от 19 марта 2018 года, приложена к материалам.

влажностью (стены были покрыты плесенью), холодной, без естественного освещения, без кровати и не отвечающей минимальным требованиям гигиены. В камере было большое количество паразитов, а, когда он спал, напольный туалет оказывался прямо рядом с его головой. В течение всего периода нахождения в карцере его не осматривал врач.

2.11 7 мая 2018 года автор был переведен в тюрьму № 2 Тифлета и до 11 июня 2018 года находился в карцере без всякого обоснования. Его адвокат снова подал в органы власти жалобу на бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, оставшуюся без ответа. 12 октября 2018 года автор без всяких оснований был помещен в одиночную камеру карцера. Он объявил голодовку в знак протеста против своего помещения в карцер, и через несколько дней его вернули в прежнюю камеру, которая находится в блоке для заключенных с проблемами психического здоровья, хотя у него таких проблем диагностировано не было. Автор утверждает, что он был лишен возможности общаться с другими заключенными и не получал никаких новостей извне, что он был лишен права связаться с выбранным им французским адвокатом или права на регулярные свидания с родственниками, а кроме того не мог обратиться к врачу за пределами исправительного учреждения. В неотопливаемой камере, в которую его поместили, не было естественного света или вентиляции. Кроме того, назначенный ему бета-блокатор он получает нерегулярно.

2.12 13 ноября 2018 года автор приостановил голодовку, причем с ним не общался ни один врач или ответственный сотрудник тюрьмы. Особо жестокое обращение, которому он подвергается, оказывает разрушительное воздействие на его физическое и психическое здоровье, в частности в отсутствие медицинской помощи.

Жалоба

3.1 Автор утверждает, что государство-участник нарушило его права, защита которых предусмотрена статьями 1, 2, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции.

3.2 Автор утверждает, что физическое насилие в его отношении представляет собой пытки по смыслу статьи 1 Конвенции. Во время допросов к нему применяли так называемый «метод подвешивания», а также его неоднократно били тупым предметом. Кроме того, его лишали пищи и воды. Он считает, что такое обращение и содержание его в одиночной камере также представляют собой жестокие, бесчеловечные и унижающие достоинство виды обращения и наказания в соответствии со статьей 16 Конвенции. Автор утверждает, что у него не было возможности регулярно получать медицинскую помощь и что в первые дни содержания под стражей и в период одиночного заключения его не осматривал врач. Он утверждает также, что непринятие марокканскими властями мер по созданию эффективной системы предупреждения пыток является нарушением статьи 2 Конвенции.

3.3 Что касается статьи 11 Конвенции, то из обстоятельств следует, что государство-участник не осуществляло систематического контроля положений, касающихся содержания под стражей и обращения с задержанными, заключенными под стражу или лишенными свободы лицами в какой бы то ни было форме на любой территории под его юрисдикцией. Условия содержания под стражей, неполноценное питание, жестокое обращение, злоупотребления и отсутствие эффективного механизма подачи заключенными жалоб в Марокко подвергались критике в различных докладах международных органов⁷.

3.4 Автор утверждает, что государство-участник не выполнило свои обязательства по статьям 12 и 13 Конвенции. Он указывает, что 12 ноября 2010 года он, с видимыми следами пыток, был доставлен в присутствии следственного судьи военного суда, который не зафиксировал эти факты и его утверждения в протоколе и не начал немедленного расследования. Кроме того, военный суд не принял во внимание его заявления о пытках при вынесении приговора. Автор утверждает, что Рабочая группа по произвольным задержаниям в своем докладе о посещении Марокко в 2013 году

⁷ См., например, [A/HRC/22/53/Add.2](#).

отдельно указала, что расследования по заявлениям о пытках задержанных в контексте событий, связанных с демонтажем лагеря «Гдейм Изик», не проводилось⁸.

3.5 Автор утверждает, что медицинская экспертиза, назначенная Апелляционным судом спустя много лет после предполагаемых событий, не дает начала официальному расследованию его заявлений о пытках, для чего его показания должны были бы быть зафиксированы в рамках отдельной процедуры. Назначенные судом врачи осматривали подсудимых в 2017 году, почти через семь лет после предполагаемых пыток. Автор утверждает, что медицинские заключения в отношении автора и обвиняемых по тому же делу лиц были представлены четырем французским и испанским врачам, согласно заключениям которых Стамбульский протокол соблюден не был⁹. Таким образом, эти эксперты доказали, что, несмотря на первый взгляд отрицательные заключения экспертов, утверждения заключенных о пытках с высокой степенью вероятности заслуживают доверия.

3.6 Автор утверждает также, что в отсутствие расследования он не смог воспользоваться мерами реабилитации, возмещения, компенсации, ухода и гарантий неповторения преступления, в нарушение статьи 14 Конвенции.

3.7 В национальных органах автор всегда заявлял, что он был осужден исключительно на основании признательных показаний, полученных в результате пыток, хотя, как он утверждает, он ни в чем не признавался, но был принужден проставить свою подпись на документе, содержание которого ему неизвестно, в то время как на руки у него были надеты наручники, а глаза были завязаны. Не проводя никакой проверки и используя такие показания в ходе судебного разбирательства в отношении автора, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции.

Замечания государства-участника в отношении приемлемости и существа сообщения

4.1 27 июня 2019 года государство-участник оспорило приемлемость жалобы в связи с исчерпанием внутренних средств правовой защиты и злоупотреблением правом на подачу жалобы.

4.2 Государство-участник указывает, что в результате проведенного расследования автор сообщения, как и другие фигуранты дела о сносе лагеря «Гдейм Изик», в соответствии с марокканским уголовным законодательством предстал перед военным судом ввиду характера и тяжести деяний, совершенных против сотрудников правоохранительных органов, в частности убийства 10 служащих Королевской жандармерии, Главного управления национальной безопасности и вспомогательных сил, а также одного сотрудника Гражданской обороны.

⁸ [A/HRC/27/48/Add.5](#), п. 68.

⁹ Автор представляет документ, в котором излагаются заключения повторных экспертиз, проведенных врачами Ф.Д., С.У., С.Р. и П.Х. Дата проведения повторных экспертиз не указана. Согласно заключениям повторных экспертиз, заключения 15 медицинских экспертиз не вызывают большого доверия и не соответствуют требованиям Стамбульского протокола: не были соблюдены принципы независимости и беспристрастности экспертов, поскольку они были назначены судом, рассматривавшим дела задержанных; не учтено время, прошедшее с момента предположительного применения пыток до момента проведения медицинской экспертизы; экспертизы проводились в центре содержания под стражей, а не в нейтральном месте в присутствии только врача-эксперта; крайне короткая продолжительность опроса; недостаточное исследование травм и психологического состояния; краткий, поверхностный и иногда ошибочный характер экспертных заключений (копирование и вставка отдельных абзацев заключений); отсутствие анализа медицинских карт заключенных из тюрем; неоднократное применение пыток, что должно было привести к созданию независимой комиссии по расследованию; полная идентичность выводов 15 экспертных заключений без указания степени совместимости (специфическая, типичная, крайне совместимая, совместимая, несовместимая) обнаруженных телесных повреждений с жалобами на жестокое обращение.

4.3 Соответствующие лица были привлечены к ответственности и осуждены военным судом 17 февраля 2013 года в полном соответствии с гарантиями справедливого судебного разбирательства. Автор был приговорен к 30 годам лишения свободы за участие в преступной группировке и насилие в отношении сотрудников правоохранительных органов с намерением причинить им смерть, повлекшее за собой такую смерть. 27 июля 2016 года решение военного суда было отменено в кассационной инстанции, и дело было передано в гражданский суд, а именно в Апелляционный суд Рабата¹⁰. Дело разбиралось в уголовной палате суда с 26 декабря 2016 года по 19 июля 2017 года. Был обеспечен перевод на используемый в южном Марокко диалект хасания. Кроме того, для присутствующих иностранных наблюдателей был обеспечен перевод на английский, испанский и французский языки. Суд обеспечил возможность рассмотрение доказательств в состязательном порядке в присутствии подсудимых. Последние пользовались услугами защитников, и все упомянутые гарантии были подтверждены отчетами Национального совета по правам человека.

4.4 19 июля 2017 года Апелляционный суд Рабата оставил без изменений обвинения и приговор в отношении автора, а именно 30 лет лишения свободы. 29 сентября 2017 года подсудимые, включая автора, подали кассационную жалобу. Государство-участник указывает, что Кассационный суд еще не вынес решения по данному делу и что простые сомнения в неэффективности внутренних средств правовой защиты в соответствии с практикой Комитета не освобождают автора от обязанности исчерпать внутренние средства правовой защиты, в данном случае — кассационную жалобу.

4.5 Государство-участник добавляет, что сообщение было направлено почти через восемь лет после предполагаемых событий. Оно выражает свое удивление по поводу истинных причин, по которым автор ждал все эти годы.

4.6 В отношении просьбы о принятии временных мер государство-участник указывает, что автор размещен в одноместной палате в медицинском учреждении и не подвергается никаким мерам или формам изоляции, как он утверждает. Он использует свое право на регулярные свидания и телефонные звонки и получает соответствующие медицинские услуги. Государство-участник решительно опровергает утверждения автора о физическом и психологическом насилии.

4.7 В своих комментариях от 20 декабря 2019 года государство-участник выражает сожаление по поводу того, что настоящая жалоба, как и другие сообщения, представленные Комитету в связи со сносом лагеря «Гдейм-Изик», имеют общую черту, а именно под предлогом многочисленных обвинений в нарушении прав человека их посредством реализуется попытка выдвинуть чисто политические претензии, не охватываемые мандатом Комитета.

4.8 Государство-участник указывает, что снос лагеря «Гдейм-Изик» был осуществлен согласно применимым правовым и нормативным положениям. В ходе данной операции сотрудники правоохранительных органов проявили профессионализм и предельную сдержанность, несмотря на нападения и целенаправленные провокации¹¹.

4.9 Государство-участник вновь заявляет, что настоящее сообщение неприемлемо, поскольку жалоба автора в Кассационный суд еще не рассмотрена. В случае принятия кассационного решения и передачи дела Кассационным судом на новое рассмотрение могут быть подняты все материальные, процессуальные и, разумеется,

¹⁰ В своих комментариях от 20 декабря 2019 года государство-участник указывает, что в соответствии с рекомендациями ряда организаций и механизмов, включая Комитет против пыток, оно внесло в свое законодательство изменения, направленные на исключение гражданских лиц из юрисдикции военного суда (Марокко, Закон № 108.13 о военной юстиции, 10 декабря 2014 года).

¹¹ Государство-участник приобщает к делу список погибших сотрудников правоохранительных органов, а также фотографии, свидетельствующие о зверствах, совершенных в лагере «Гдейм-Изик», и беспорядках в Эль-Аюне 8 ноября 2010 года.

правоприменительные вопросы (включая, в данном случае, действительность признательных показаний, якобы полученных под пытками, порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и т. д.).

4.10 Государство-участник напоминает, что в соответствии со статьями 73, 74, 88 и 134 Уголовно-процессуального кодекса по доставке того или иного лица к прокурору или следственному судье последние обязаны провести медицинское освидетельствование этого лица по его просьбе или в связи с выявлением следов пыток или жестокого обращения. В данном деле автор или его защита с ходатайством о проведении экспертизы не обращались, а по доставке автора в присутствии следственного судьи военного суда Рабата наличия следов пыток или жестокого обращения констатировано не было¹².

4.11 Что касается утверждений о пытках, то государство-участник указывает, что любое лицо может обратиться к нескольким судебным и внесудебным средствам правовой защиты для подачи жалобы в прокуратуру, администрацию исправительного учреждения, если лицо содержится под стражей, или в Национальный совет по правам человека, который уполномочен осуществлять надзор в местах лишения свободы¹³.

4.12 Государство-участник отмечает, что в рамках гражданского процесса защита поднимала вопрос об утверждениях о пытках и что уголовная палата Апелляционного суда Рабата положительно и незамедлительно отреагировала на ходатайство защиты о проведении медицинского освидетельствования автора. Суд назначил комиссию под председательством трех врачей, включая врача-травматолога, ортопеда и психиатра. Они провели экспертные исследования и медицинские обследования в соответствии с принципами и руководящими указаниями Стамбульского протокола. Медицинская экспертиза, проведенная 16 февраля и 13 марта 2017 года, включала в себя опрос в связи с утверждениями о пытках, очевидными симптомами и анамнезом, физикальное исследование, дополнительные обследования, изучение медицинской карты, изучение журнала учета задержаний, а также судебно-медицинские опрос и исследование. Согласно экспертному заключению, следы на теле автора и имеющиеся у него осложнения заболеваний не были результатом пыток или жестокого обращения. Таким образом, было установлено, что выдвинутые обвинения в применении пыток были необоснованными¹⁴.

4.13 Государство-участник опровергает утверждения автора о том, что проведение судебно-медицинской экспертизы было поручено трем марокканским судебным медикам, которые не прошли подготовку по Стамбульскому протоколу и не имели достаточных гарантий независимости. Напротив, оно утверждает, что были приложены все усилия для обеспечения проведения судебных экспертиз высококвалифицированными, беспристрастными и независимыми экспертами, допущенными марокканскими судами и действия которых подлежат надзору Апелляционного суда.

4.14 Государство-участник отмечает, что мать автора и его супруга 30 марта и 10 мая 2018 года подали жалобы в администрацию исправительного учреждения на плохие условия содержания и что проведенное Главным управлением исправительных учреждений и реинтеграции расследование подтвердило необоснованность всех утверждений.

4.15 Что касается условий содержания автора, то государство-участник сообщает, что за его положением регулярно наблюдает Национальный совет по правам человека. 28 мая 2019 года автора посетили представители Национального совета, а 18 июля

¹² Государство-участник ссылается на протоколы предварительного допроса, составленные следственным судьей военного суда 12 ноября 2010 года и 25 февраля 2011 года.

¹³ Законом № 76-15 о реорганизации Национального совета полномочия были расширены, в частности он был наделен мандатом национального механизма по предупреждению пыток в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции, к которому Марокко присоединилось в 2014 году.

¹⁴ Государство-участник представляет копию заключения медицинской экспертизы, проведенной 16 февраля и 13 марта 2017 года, а также биографические данные врачей.

2019 года — Региональной комиссии по правам человека Тан-Тана — Гулимима. 21 марта и 28 мая 2019 года его посетил также заместитель королевского прокурора при суде первой инстанции в Тифлете.

4.16 Государство-участник добавляет, что в настоящее время автор содержится в тюрьме № 2 Тифлета, по режиму категории «В», и пользуется всеми своими правами в соответствии с международными стандартами. Он не помещен в одиночное заключение, как он утверждает в своей жалобе, а находится в медчасти, в индивидуальной камере, отвечающей санитарным нормам и стандартам безопасности. Ему оказывается соответствующая медицинская помощь. С момента его заключения под стражу в 2010 году он получил 24 консультации за пределами центра содержания под стражей и 275 консультаций в пределах учреждения, в том числе 39 после перевода в тюрьму № 2 Тифлета. Он дважды отказывался от поездок в государственную больницу, где ему был назначен прием, в знак протеста против ношения тюремной формы. Он также пользуется правом на свидания и общение по телефону с родственниками. Он получает питание, принимает душ по соответствующему расписанию, а также выходит на ежедневную прогулку. Он продолжает учебу на втором курсе экономики и менеджмента факультета экономических наук в Гулимиме.

Комментарии автора сообщения и государства-участника в отношении ходатайства о принятии временных мер

Автор сообщения

5. В своем представлении от 28 мая 2020 года автор утверждает, что государство-участник не принимало никаких временных мер. Медицинская помощь ему не оказывается, и состояние его здоровья продолжает ухудшаться. Он продолжает находиться в длительном одиночном заключении в тюрьме № 2 Тифлета.

Государство-участник

6. В своем представлении от 7 июля 2020 года государство-участник указывает, что автор, содержащийся в тюрьме № 2 Тифлета, пользуется всеми своими правами заключенного, а одиночному заключению, вопреки его утверждениям, никогда не подвергался. Он содержится в совершенно нормальных условиях и пользуется своим правом на прогулку, правом на свидания с родственниками (сохраненным за ним, несмотря на временные ограничительные меры в связи с пандемией COVID-19) и правом на ежедневные телефонные звонки, в том числе по субботам и воскресеньям. Государство-участник также повторяет, что автору оказывается соответствующая медицинская помощь и что результаты проведенных биологических анализов не показывают каких-либо отклонений.

Автор сообщения

7.1 В своих комментариях от 8 октября 2020 года автор утверждает, что 21 сентября 2020 года он был переведен в тюрьму в Айт-Меллуле. Он утверждает, что не может покинуть камеру, т. е. он находится в ней 24 часа в сутки, и что камера не соответствует минимальным базовым санитарным требованиям. Автор объясняет, что он находится в ситуации сильного физического и психологического стресса и что, учитывая эту ситуацию, на следующей неделе он решил объявить голодовку. Он просит, чтобы государство-участник предоставило объяснения этих тревожных сведений, поскольку эти меры равносильны репрессиям.

7.2 В своих комментариях от 13 октября 2020 года автор уточняет, что он просил принять временные меры, поскольку после решения Апелляционного суда Рабата 2017 года и решения Комитета по делу *Асфари против Марокко* он и другие обвиняемые по тому же делу подверглись репрессивным мерам¹⁵. Он сообщает, что до 2017 года его не помещали в одиночное заключение и что его продолжают содержать

¹⁵ CAT/C/59/D/606/2014.

в этом режиме без проведения расследования. Он сообщает также, что режим его содержания равносителен одиночному заключению, даже если по марокканскому законодательству он таковым не считается. Он поясняет, что в октябре 2019 года, после подачи им жалобы в Комитет, он был помещен в медчасть тюрьмы № 2 Тифлета. Во время своего нахождения в медчасти он слышал, как другие находившиеся там люди кричали днем и ночью. Автор добавляет, что в тюрьме он подвергался дискриминации и расистским оскорблениям.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

8.1 12 октября 2020 года автор представил свои комментарии к замечаниям государства-участника. Он утверждает, что сообщение является приемлемым, и указывает, что тот факт, что с момента предположительно имевших место деяний прошло более восьми лет без проведения расследования государством-участником, сам по себе свидетельствует о неэффективности внутренних средств правовой защиты.

8.2 Автор утверждает, что жалоба, находящаяся на рассмотрении Кассационного суда, не может считаться эффективным и действенным средством правовой защиты, поскольку суд выносит постановления только по правовым вопросам и только на основании представленного ему дела, а именно деяний, в которых обвиняется автор. Кассационный суд не может отменить независимую оценку существа дела национальных судов и не имеет компетенции определять, было ли признание автора получено под пытками, или выносить постановление о начале расследования о применении пыток.

8.3 Автор повторяет, что он неоднократно сообщал марокканским государственным органам о том обращении, которому он подвергается, и обратился в Комитет в качестве крайней меры, однако до сих пор расследование начато не было. Он напоминает, что инициировать преследование может только прокуратура, которая до сих пор не использовала эти прерогативы для открытия соответствующего дела.

8.4 По существу дела автор напоминает, что предмет его жалобы касается обстоятельств его задержания, содержания под стражей в полиции и жестокого обращения, а не причин его осуждения, поскольку этот вопрос не входит в компетенцию Комитета. Он считает, что государство-участник, по-видимому, намеренно смешивает вопрос уголовного дела с вопросом об отказе начать расследование по утверждениям автора о том, что он подвергался пыткам.

8.5 Автор отмечает, что государство-участник лишь утверждает, что он подписал показания без принуждения. Таким образом, государство-участник придерживается своего толкования статьи 291 Уголовно-процессуального кодекса, согласно которому протоколы, составленные сотрудниками судебной полиции, являются доказательствами *prima facie*. Единственным документом, предоставленным государством-участником, является протокол с признательными показаниями, на которые автор как раз указывает как на полученные под принуждением. Государство-участник продолжает пытаться переложить бремя доказывания, требуя от автора доказать, что он подвергался пыткам.

8.6 Что касается довода государства-участника о возможности обращения в Национальный совет по правам человека путем подачи жалобы, то автор указывает, что Национальный совет может предпринять соответствующие действия по собственной инициативе и что хотя ему было известно о положении автора и других обвиняемых по тому же делу, он таких действий не предпринял. Автор считает, что Национальный совет нельзя считать судебным механизмом или механизмом, достаточным для расследования утверждений о пытках.

8.7 Автор отмечает, что государство-участник не указывает, что ему оказывалась какая-либо медицинская помощь в период совершения деяний, являющихся предметом его жалобы. Замечания государства-участника вызывают тем большую тревогу, что оно, по-видимому, считает, что автор совершенно здоров, несмотря на то, что он неоднократно обращался к врачу. Аналогичным образом маловероятно, что «совершенно здоровому» человеку пришлось бы провести несколько недель в

медчасти без оснований. Кроме того, государство-участник не доказывает, что ему была предоставлена оперативная и независимая правовая и медицинская помощь или что он смог сразу же связаться со своими родственниками. Автор вновь утверждает, что государство-участник нарушило его права, предусмотренные статьями 2, 11, 12, 13, 15 и 16 Конвенции.

Дополнительные замечания автора сообщения и государства-участника в отношении ходатайства о принятии временных мер

Государство-участник

9.1 В своих комментариях от 11 декабря 2020 года государство-участник вновь заявляет, что утверждения автора необоснованны, и категорически осуждает используемые им методы, а именно что он намеренно и непрерывно настаивает на ряде ложных утверждений. Оно повторяет свои замечания от 27 июня 2019 года, 20 декабря 2019 года и 7 июля 2020 года. Оно сообщает, что 19 сентября 2020 года автор был переведен в местную тюрьму № 1 в Айт-Меллуле, в индивидуальную камеру, отвечающую международным стандартам, и что этот перевод никак не является мерой одиночного заключения. Оно указывает, что в период с 21 сентября по 26 октября 2020 года автор 17 раз общался с родственниками по телефону. Он повторяет, что автор имеет доступ к медицинской помощи и что вопрос о возможности проконсультироваться с врачом по своему выбору в данном случае неуместен по самой своей природе, учитывая характер и порядок работы исправительных учреждений.

9.2 Государство-участник подчеркивает, что 21 и 22 сентября 2020 года автор прошел медицинский осмотр и что в целом он здоров. Оно опровергает утверждение о том, что в период с 5 мая 2018 года по 19 сентября 2020 года, сразу после подачи жалобы в Комитет, автор был помещен в одноместную палату в медчасти тюрьмы № 2 Тифлета для тщательного медицинского наблюдения. Государство-участник указывает, что автор не заявлял об объявлении голодовки в указанные даты. 7 октября 2020 года автора принял начальник тюрьмы в Айт-Меллуле, и по этому случаю он смог поднять ряд вопросов. Государство-участник сообщает, что в отношении автора никогда не принималось никаких репрессивных мер и не применялось запугивания в других формах и что никаких оснований для проведения расследования в этой связи на основании представленной по этому вопросу информации не имеется. Оно отмечает также, что при текущем положении дел автор не имеет права на применение мер, не связанных с лишением свободы.

Автор сообщения

10. В своих комментариях от 20 декабря 2020 года автор указал, что уже в течение 25 дней в тюрьме № 1 Айт-Меллула к нему применяются меры одиночного заключения, что он не мог связаться со своим адвокатом и что при его звонках родственникам по-прежнему присутствуют сотрудники тюрьмы. 9 апреля 2021 года автор добавил, что, по всей вероятности, ему предстоит операция.

Дополнительные замечания государства-участника

11.1 19 марта и 12 ноября 2021 года государство-участник представило дополнительные замечания. Оно сообщает, что 25 ноября 2020 года Кассационный суд отклонил жалобу автора. Оно вновь выражает сожаление по поводу явного желания автора использовать подобные обвинения с целью снять с себя самого обвинения в серьезных преступлениях, за которые он был осужден в ходе справедливого судебного разбирательства.

11.2 Что касается утверждения автора о том, что медицинская экспертиза, назначенная Апелляционным судом, не обеспечивает выполнения обязательства государства о проведении расследования, то государство-участник указывает, что автор, как представляется, намеренно умалчивает о том, что экспертиза назначается только в том случае, если об этом ходатайствует защита, на основании соответствующих положений Уголовно-процессуального кодекса или если судья

сочтет, что имеются разумные основания для ее назначения. Государство-участник вновь заявляет, что проведенная медицинскую экспертизу комиссии была беспристрастной и компетентной и действовала профессионально.

11.3 Государство-участник вновь заявляет, что автора не помещали в одиночное заключение ни в одну из тюрем, где он был заключен, и что он всегда содержался под стражей в соответствии с международными стандартами в этой области. Что касается обеспокоенности, выраженной в связи с количеством медицинских консультаций, то оно подчеркивает, что это число, которое автор считает высоким, само по себе свидетельствует о стремлении Главного управления исправительных учреждений и реинтеграции обеспечить заключенным оптимальный доступ к медицинской помощи. В отношении права на свидания государство-участник сообщает, что в целях борьбы с распространением COVID-19 в тюрьмах с марта 2020 года Главное управление было вынуждено приостановить все свидания в этих учреждениях. Автор регулярно, два раза в неделю, общается по телефону со своей матерью и со своей женой. Несмотря на ограничения, связанные с пандемией, свидания с адвокатами по-прежнему разрешены, однако ни один адвокат автора для свидания с ним не являлся.

11.4 Помимо этого, государство-участник указывает, что Национальный совет по правам человека является конституционным учреждением по защите и поощрению прав человека, которое было создано в 1990 году и с 2001 года действует в соответствии с Принципами, касающимися статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы), а также аккредитовано Глобальным альянсом национальных учреждений по правам человека со статусом А в течение уже более 20 лет. Оно утверждает, что Национальный совет никогда не получал жалоб от автора и не был проинформирован о каких-либо актах пыток или жестокого обращения в его отношении, что позволило ему бы предпринять соответствующие действия по собственной инициативе.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

12.1 Прежде чем приступить к рассмотрению жалобы, изложенной в сообщении, Комитет должен установить, является ли оно приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В соответствии с требованиями статьи 22 (пункт 5 а)) Конвенции Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

12.2 Комитет отмечает, что государство-участник оспорило приемлемость жалобы в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты. В этой связи Комитет отмечает, что государство-участник первоначально указало, что жалоба в Кассационный суд, поданная автором и другими обвиняемыми по этому же делу 29 сентября 2017 года, еще находилась на рассмотрении и что, следовательно, внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. В то же время он принимает к сведению информацию государства-участника о том, что 25 ноября 2020 года Кассационный суд по итогам рассмотрения отклонил жалобу, поданную автором. Комитет заключает, что возражение государства-участника о неприемлемости жалобы более не актуально, поскольку решение по жалобе в Кассационный суд уже принято, и поэтому Комитет больше не должен решать вопрос об эффективности этого средства правовой защиты в данном деле.

12.3 Что касается довода государства-участника о том, что настоящая жалоба будет представлять собой злоупотребление правом на подачу жалобы, то Комитет напоминает, что ни в Конвенции, ни в его правилах процедуры максимального срока для подачи жалобы не устанавливается. В любом случае, как может констатировать Комитет, между вынесением решения Апелляционного суда Рабата и подачей жалобы в Комитет прошел один год и семь месяцев, а такой срок не позволяет сделать вывод о том, что имело место злоупотребление правом на подачу жалобы.

12.4 В свете статьи 22 (пункт 4) Конвенции и правила 111 своих правил процедуры Комитет не видит других препятствий для признания приемлемости жалобы и ее рассмотрения по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

13.1 В соответствии со статьей 22 (пункт 4) Конвенции Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему сторонами.

13.2 Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что нанесение ему телесных повреждений во время задержания и допроса в жандармерии Эль-Аюна, а также обращение в ходе этапирования самолетом представляют собой попытки по смыслу статьи 1 Конвенции. Комитет принимает к сведению также довод государства-участника о том, что в связи с утверждениями о пытках, выдвинутыми автором и обвиняемыми по этому же делу лицами в ходе гражданского процесса, Апелляционный суд Рабата постановил провести медицинское освидетельствование тремя врачами, назначенными судом, что и было осуществлено 16 февраля и 13 марта 2017 года. Комитет принимает к сведению заключение медицинской экспертизы о том, что «имеющиеся на данный момент симптомы и объективные результаты освидетельствования не являются специфическими для различных якобы применявшихся методов пыток». Он отмечает довод государства-участника о том, что в ходе медицинской экспертизы было доказано, что следы на теле автора и имеющиеся у него осложнения заболеваний не были результатом пыток или жестокого обращения. Вместе с тем Комитет принимает к сведению также утверждение автора о том, что данная экспертиза не была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом. В этой связи Комитет отмечает, что заключения медицинской экспертизы в отношении автора и обвиняемых по этому же делу лиц были переданы международным врачам, которые подготовили другое заключение, согласно которому первая экспертиза не была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом, в частности из-за несоблюдения принципов независимости и беспристрастности экспертов, очень короткой продолжительности бесед, недостаточности исследования травм и психологического состояния, полной идентичности выводов всех экспертных заключений без указания степени совместимости обнаруженных телесных повреждений с жалобами на жестокое обращение. Комитет отмечает, что государство-участник гарантирует беспристрастность, компетентность и профессионализм экспертов. В то же время он считает, что государство-участник не предоставляет соответствующих объяснений, подтверждающих соответствие медицинской экспертизы в соответствии со Стамбульским протоколом в контексте официального расследования утверждений автора о пытках. Комитет отмечает также, что эта медицинская экспертиза была проведена более чем через шесть лет после фактов, являющихся предметами жалобы, и что, по-видимому, прошедшее с момента этих событий до проведения медицинской экспертизы время не было принято во внимание. Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой любое лицо, лишенное свободы, должно получать оперативную и независимую правовую и медицинскую помощь и должно быть в состоянии связаться со своей семьей в целях предупреждения пыток¹⁶. Принимая во внимание утверждение автора о том, что он не имел доступа ни к одной из этих гарантий во время его заключения под стражу до суда и в отсутствие какой-либо убедительной информации от государства-участника в опровержение этих утверждений, Комитет считает, что физическое насилие и травмы, от которых автор, как он утверждает, пострадал в ходе задержания, допроса и последующего содержания под стражей, равносильны пыткам по смыслу статьи 1 Конвенции¹⁷.

13.3 Комитет считает, что также являются нарушением статьи 1 Конвенции все виды обращения, которому автор по его утверждению подвергся во время его содержания под стражей, а именно: а) тот факт, что его подвешивали вниз головой, применяли к нему электрический ток, неоднократно избивали и оскорбляли; б) плачевное

¹⁶ См. Комитет против пыток, замечание общего порядка № 2 (2007).

¹⁷ *Асфари против Марокко*, п. 13.2.

санитарное состояние различных камер, в которые его помещали; с) длительные периоды одиночного заключения без возможности консультации с врачом по его выбору; d) ограничение возможностей общения с адвокатом и родственниками. Соответственно Комитет не счел необходимым отдельно рассматривать жалобы автора по статье 16 Конвенции¹⁸.

13.4 Автор ссылается также на статью 2 (пункт 1) Конвенции, согласно которой государство-участник должно было принять эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко, в которых он выразил свою обеспокоенность по поводу событий в Западной Сахаре и утверждений, в которых говорилось, в частности, о пытках, жестоком обращении и принуждению к даче признательных показаний под пытками¹⁹, и настоятельно призвал государство-участник принять срочные и конкретные меры для предотвращения всех актов пыток и жестокого обращения и предусмотреть политику, которая даст измеримые результаты в части достижения цели искоренения всех актов пыток и жестокого обращения со стороны государственных должностных лиц. В данном деле Комитет принимает к сведению утверждения автора об обращении, которому его подвергли государственные служащие в период его заключения под стражу в полиции, без возможности связаться с родственниками или получить доступ к адвокату или врачу. Государственные органы не приняли никаких мер для проведения расследования по факту пыток автора и для наказания соответствующем случае, несмотря на видимые следы пыток и его жалобы в этой связи в военный суд. С учетом вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что был нарушена статья 2 (пункт 1), рассматриваемая совместно со статьей 1 Конвенции²⁰.

13.5 Автор утверждает, что была нарушена статья 11 Конвенции, поскольку государство-участник не обеспечило надлежащий надзор за обращением с автором во время его содержания под стражей. Комитет отмечает утверждения автора о том, что во время содержания под стражей он подвергался жестокому обращению, не имел доступа к врачу по своему выбору, несмотря на плохое состояние здоровья, был помещен в одиночную камеру и лишен регулярных свиданий с родственниками. Комитет отмечает, что автор неоднократно жаловался на условия своего содержания под стражей, но что ему не были предоставлены эффективные средства правовой защиты, чтобы оспорить жестокое обращение. Комитет напоминает о своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко, в которых он выразил сожаление по поводу отсутствия информации относительно применения на практике основных гарантий, таких как осмотр независимым врачом и уведомление родственников²¹. В данном случае Комитет отмечает, что государство-участник предоставляет общую информацию об условиях содержания автора под стражей и оказании ему медицинской помощи, не приводя никаких соответствующих объяснений в подтверждение того, что оно осуществило необходимый надзор. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не представило объяснений относительно условий содержания автора под стражей в период с ноября 2010 года по февраль 2019 года (момент подачи сообщения автора в Комитет), кроме указания количества медицинских консультаций, которые автор якобы получил. В отсутствие какой-либо информации от государства-участника, свидетельствующей о том, что в течение всего периода содержания под стражей автор действительно находился под его надзором, а также в отсутствие каких-либо доказательств эффективного рассмотрения поданных автором жалоб и оказания ему действительной медицинской помощи, Комитет приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции²².

¹⁸ *Рамирес Мартинес и др. против Мексики* (CAT/C/55/D/500/2012), п. 17.4.

¹⁹ CAT/C/MAR/CO/4, п. 12. См. также CCRPR/C/MAR/CO/6, пп. 23 и 24.

²⁰ См., например, *Ндарисигаранье против Бурунди* (CAT/C/62/D/493/2012 и CAT/C/62/D/493/2012/Corr.1), п. 8.3; и *Е.Н. против Бурунди* (CAT/C/56/D/578/2013), п. 7.5.

²¹ CAT/C/MAR/CO/4, п. 7.

²² *Е.Н. против Бурунди*, п. 7.6.

13.6 Далее Комитет должен определить, является ли тот факт, что утверждения автора о пытках в судебных органах никак не были расследованы, нарушением государством-участником его обязательств по статье 12 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что 12 ноября 2010 года он был доставлен в присутствие следственного судьи военного суда с видимыми следами пыток и заявил в суде о пытках, которым он подвергся, но ни в какой момент времени эти заявления расследованы не были. Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что автор не обращался в компетентные органы с жалобой на применение пыток. Он принимает к сведению также то, что после передачи дела в Апелляционный суд Рабата и в связи с утверждениями автора и обвиняемых по этому же делу лиц о пытках было проведено медицинское освидетельствование автора, назначенное судом. В этой связи он принимает к сведению утверждения автора о том, что медицинские экспертизы, назначенные Апелляционным судом, не были проведены беспристрастно и в рамках расследования по факту применения пыток в соответствии со Стамбульским протоколом. Комитет вновь заявляет, что хотя он отмечает подтверждение государства-участника о беспристрастности, компетентности и профессионализме экспертов, осуществивших медицинскую экспертизу, он считает, что государство-участник не предоставило соответствующих объяснений в подтверждение проведения медицинской экспертизы в соответствии со Стамбульским протоколом в рамках официального расследования утверждений автора о пытках. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник вышло далеко за рамки разумных сроков для обеспечения правосудия по делу автора и что спустя 11 лет после событий и первых заявлений о пытках расследования в соответствии со Стамбульским протоколом проведено не было. С учетом вышеизложенного Комитет заключает, что отсутствие расследования в связи с утверждениями о пытках в случае автора несовместимо с обязательством государства-участника по статье 12 Конвенции обеспечивать, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что была применена пытка²³.

13.7 Помимо этого, Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что государство-участник нарушило и предусмотренное статьей 13 Конвенции обязательство обеспечить автору право на предъявление жалобы, которое предполагает, что власти примут в связи с этой жалобой надлежащие меры путем проведения быстрого и беспристрастного расследования²⁴. Комитет отмечает, что статья 13 не содержит требования о представлении жалобы на пытки в соответствии с какой-либо установленной процедурой, предусмотренной внутренним законодательством, равно как и требования о необходимости прямого выражения готовности подать заявление о возбуждении уголовного дела; простое заявление жертвы и доведение ею фактов до сведения государственного органа порождает обязанность государства-участника рассматривать такие действия как молчаливое, но недвусмысленное выражение ее желания начать немедленное и беспристрастное расследование в соответствии с требованием данного положения Конвенции²⁵. В свете вышеизложенного Комитет заключает, что факты настоящего дела представляют собой также нарушение статьи 13 Конвенции.

13.8 Что касается утверждений автора по статье 14 Конвенции, то Комитет напоминает, что этими положениями признается право жертвы пыток на справедливую и адекватную компенсацию, а на государства-участники налагается обязательство обеспечивать получение жертвой возмещения всего нанесенного ей вреда. Такое возмещение должно обязательно охватывать весь нанесенный вред и включает в себя реституцию, компенсацию и меры, гарантирующие недопущение повторных нарушений, с учетом обстоятельств каждого конкретного дела²⁶. В данном случае Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что жестокое

²³ *Асфари против Марокко*, п. 13.4.

²⁴ *Бендиб против Алжира (CAT/C/51/D/376/2009)*, п. 6.6.

²⁵ *Паро против Испании (CAT/C/14/D/6/1990)*, п. 10.4; *Бланко Абад против Испании (CAT/C/20/D/59/1996)*, п. 8.6; *Лтаицеф против Туниса (CAT/C/31/D/189/2001)*, п. 10.6.

²⁶ *Бендиб против Алжира*, п. 6.7.

обращение, которому он подвергся, оказало разрушительное воздействие на его психическое и физическое состояние. Тот факт, что следственный судья военного суда не открыл дело для расследования утверждений о пытках и что медицинская экспертиза, назначенная апелляционной инстанцией, не была проведена в соответствии со Стамбульским протоколом и в рамках расследования предполагаемых актов пыток, не позволил автору воспользоваться мерами реабилитации, компенсации, ухода и гарантиями недопущения повторного совершения преступления. Соответственно Комитет считает, что отсутствие быстрого и беспристрастного расследования лишило автора возможности воспользоваться его правом на возмещение в нарушение статьи 14 Конвенции²⁷.

13.9 Автор утверждает также, что стал жертвой нарушения статьи 15 Конвенции, поскольку был осужден на основании признания, полученного под пытками. Он утверждает, что признательных показаний не давал, а что в тот момент, когда на нем были наручники и когда у него были завязаны глаза, его принудили подписать документ, содержание которого ему неизвестно. Комитет напоминает, что общий характер положений статьи 15 обусловлен абсолютным запретом пыток и поэтому предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли получены заявления, используемые в ходе разбирательств в рамках его юрисдикции, путем применения пыток²⁸. В данном случае Комитет принимает к сведению утверждения автора о том, что подписанные им в результате пыток показания стали основанием для предъявления ему обвинений и для его осуждения и что он безуспешно оспаривал доказательную силу подписанных под пытками признательных показаний на различных этапах судебного разбирательства по возбужденному в его отношении делу. Комитет отмечает, что Апелляционный суд не уделил должного внимания утверждениям о пытках при вынесении обвинительного приговора автору на основании его признательных показаний. Никак не проверив содержание утверждений автора, кроме проведения медицинской экспертизы, назначенной Апелляционным судом, осуществленной не в соответствии со Стамбульским протоколом, и использовав данные показания в ходе судебного разбирательства дела в отношении автора, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции. Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Марокко²⁹ он выразил обеспокоенность в связи с тем, что в следственной системе государства-участника признательные показания зачастую становятся тем доказательством, на основании которого лицо может быть привлечено к ответственности и осуждено, а это создает условия, которые могут способствовать применению пыток и жестокому обращению с подозреваемым³⁰.

14. Действуя в соответствии со статьей 22 (пункт 7) Конвенции, Комитет заключает, что представленные ему на рассмотрение факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 2 (пункт 1), рассматриваемой совместно со статьей 1, а также статей 11, 12, 13, 14 и 15 Конвенции.

15. Комитет настоятельно призывает государство-участник: а) обеспечить автору адекватную и справедливую компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации; б) провести беспристрастное и тщательное расследование соответствующих событий в полном соответствии с положениями Стамбульского протокола, с тем чтобы привлечь к ответственности лиц, которые могут быть виновны в обращении, которому подвергся автор; в) перевести автора обратно на режим содержания в общей камере в исправительном учреждении, расположенном ближе к месту проживания его родственников; г) провести быстрое и эффективное расследование утверждений о репрессивных мерах, о которых сообщил автор, и воздерживаться от любых актов давления, запугивания или репрессивных мер, которые могут нанести вред физической и моральной неприкосновенности автора, которые явились бы нарушением обязательств государства-участника по Конвенции о

²⁷ *Нийонзима против Бурунди* (CAT/C/53/D/514/2012), п. 8.6; *Асфари против Марокко*, п. 13.6.

²⁸ *П.Э. против Франции* (CAT/C/29/D/193/2001), п. 6.3; *Ктити против Марокко* (CAT/C/46/D/419/2010), п. 8.8.

²⁹ CAT/C/MAR/CO/4, п. 17.

³⁰ *Асфари против Марокко*, п. 13.8.

добросовестном сотрудничестве с Комитетом в осуществлении положений Конвенции; е) разрешить автору свидания с родственниками, адвокатом и врачом по его выбору в исправительном учреждении.

16. В соответствии с правилом 118 (пункт 5) своих правил процедуры Комитет предлагает государству-участнику в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения информировать Комитет о мерах, принятых им в осуществление мер в соответствии с изложенными выше замечаниями.
